

УДК 82-225

ЦИКЛООБРАЗУЮЩИЕ СВЯЗИ В ПЕРВОМ СБОРНИКЕ К. М. СТАНЮКОВИЧА

Чжан Менцзя

Таврическая академия (структурное подразделение)
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского»,
Симферополь, Россия
E-mail: mengjia9339@mail.ru

Маринистика К. М. Станюковича в читательском восприятии представляет собой художественное единство, что обусловлено не только тематической общностью произведений, но и наличием сквозных персонажей, специфических художественных приемов. Однако литературоведческий вопрос о полном наборе надтекстовых связей в маринистике Станюковича остается открытым. В настоящей статье выявляются циклообразующие связи между первыми «морскими» произведениями Станюковича, публиковавшимися в периодической печати, а также в первом «морском» сборнике Станюковича «Из кругосветного плавания (Очерки морского быта)». Зафиксированные в этих текстах авторские рассуждения о задачах и методах маринистики позволяют проследить становление художественных принципов Станюковича, опираясь на четко выраженную авторскую рефлексию. Специфика ранних произведений автора рассмотрена в контексте русских литературных тенденций 1850-х – 1860-х гг.

Ключевые слова: К. М. Станюкович, литературная маринистика, циклообразующие связи, сверхжанровое единство.

ВВЕДЕНИЕ

В литературном наследии К. М. Станюковича четко выделяется значительная группа произведений, которая в читательском восприятии предстает как некое надтекстовое единство и маркируется термином «маринистика». Это ставит перед литературоведением вопрос о средствах, обеспечивающих монолитность указанного единства. Исследователи (В. П. Вильчинский [3], В. С. Петрушков [23, 24], Г. Ф. Лозовик [11]) уже указывали на художественно-стилистические приемы и типажи, общие для большинства произведений Станюковича о морской жизни. Однако думается, что набор межтекстовых связей в данном случае значительно шире, а механизмы и история их реализации нуждаются в целенаправленном изучении. Движение в этом направлении логично начать с анализа первого сборника Станюковича «Из кругосветного плавания (Очерки морского быта)».

Цель статьи – выявить механизмы и историю циклообразующих связей в сборнике очерков К. М. Станюковича «Из кругосветного плавания». При этом необходимо решить следующие **задачи**: выявить циклообразующие связи в первых

публикациях автора о морском быте; выявить жанрово-стилистические сходства и различия ранних «морских» произведений Станюковича; проследить тактику формирования межтекстовых связей в первом сборнике очерков Станюковича.

Объект исследования – поэтика и архитектоника маринистики Станюковича;
предмет – циклообразующие связи ранних морских произведений Станюковича.

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

Сборник «Из кругосветного плавания (Очерки морского быта)» увидел свет в 1867 г. и в значительной части состоял из прежде напечатанных произведений. Первые прозаические опыты Станюковича публиковались в пору его флотской службы. В 1862 г. «Морской сборник» поместил фрагмент публицистического рассуждения Станюковича «Мысли по поводу глуповцев г. Щедрина» [32], где автор критиковал образовательные принципы морского корпуса. В следующем году тот же журнал напечатал объемный очерк «Жизнь в тропиках» [29], а в 1864 г. – сразу три сочинения молодого моряка: «Французы в Кохинхине» [33], «Мадера и Острова Зеленого Мыса» [31] и рассказ «Шторм» [34]. Еще одно произведение – «Глава из очерков морской жизни» [28] – в 1864 г. напечатал журнал «Эпоха». В ноябре 1864 г. К. М. Станюкович уволился из флота и, видимо, уже после этого создал еще несколько «морских» произведений: «В Индийском океане», «В китайских портах», «Отмена телесных наказаний» и «Кузькина любовь».

По совокупному объему эти произведения давали возможность составить тематический сборник, однако механическому объединению текстов под одной обложкой материал сопротивлялся: жанровый состав произведений получался слишком пестрым. Органично «связывались» лишь те тексты, которые изначально задумывались как фрагменты чего-то большего, – это собственно путевые очерки, имевшие в первоначальной редакции заголовки или подзаголовки, указывающие на их принадлежность к циклу: 1) «Глава из очерков морской жизни», 2) «Жизнь в тропиках» – с подзаголовком «Глава из очерков морской жизни», 3) «Мадера и Острова Зеленого Мыса» – с подзаголовком «Еще глава из очерков морской жизни». Эти части легко выстраивались по оси сюжета кругосветного плавания: их лишь

следовало расположить не по хронологии публикации, а в соответствии с логикой маршрута. Кроме того, их сближала стилистическая общность и степень авторского присутствия в повествовании, хотя полной идентичности и по этим параметрам не было. Рассмотрим эти очерки в той последовательности, в какой они изначально появлялись в печати.

Очерк «Жизнь в тропиках» решал трудную задачу – описывал монотонное течение жизни на корабле в период длительного морского перехода. Это резко сужало круг достопримечательностей и персонажей и угрожало сделать повествование столь же монотонным, сколь и само плавание. Преодолевая эту опасность, автор избегает повторяемости описаний, но декларирует мысль о регулярности почти всех корабельных событий, типичности всякой попавшей в поле зрения детали. Уже первые абзацы настраивают читателя на то, что весь путь в тропиках проходит в одинаковых условиях и под знаком особого и постоянного настроения моряков: «Корветская жизнь <...> была просто райская, живешь, точно в деревне; погода великолепная, солнышко высоко над головой, на небе ни облачка <...>. Да и что за привольная жизнь матросу! <...> Он как бы доверяет тропикам и пассату и не находится в вечном ожидании <...>, на чеку, не боится отойти от снастей, не жмется от холодного ветра и не кутается в дождевое пальто <...> [29, с. 1]. После этого Станюкович в подробностях описывает один день корабельной жизни (начиная с утренней уборки и заканчивая ночной вахтой), причем повествование ведет в настоящем времени, что заставляет воспринимать события и их очередность как «надвременные» константы. Логика корабельного быта заставляет автора фактически разбивать очерк на две не обозначенные структурно части: сначала описывается типичный день матросов [29, с. 1–20], а затем – типичный день «чинов» из кают-компании [29, с. 31–40]. Архитектура обеих частей одинакова. Сначала автор декларирует типичность описываемого, затем изображает отдельные сцены и характеры и завершает «суточную» зарисовку снова же декларацией о типичности всего описанного: «<...> И завтра опять пойдет своим чередом, как и сегодня!» [29, с. 20] Или: «Завтра опять встанут и опять проживут настоящий день так, как и прошлый» [29, с. 40].

Автор явно стремится избежать банальной описательности. Он «пересказывает» читателю матросские и офицерские беседы, которые «встраиваются» в ряд циклических проявлений корабельной жизни. Сосредоточенность на автономной жизни корабля позволяет Станюковичу близко познакомить читателя с командой корвета. Это большой круг персонажей: по словам автора, – 160 человек [29, с. 31]. Закономерно, что ему приходится группировать персонажи. Самая многочисленная группа – матросы. Именно они помогают выделить особенности национального характера на фоне экзотического путешествия. Не случайно Станюкович описывает исполнение матросами народных песен. Литературные обращения к русским песням как проявлению национальной самобытности – в XIX в. явление распространенное. Одним авторам в «меланхолических» ямщицких напевах [17, с. 489–490] слышалась «тоска, вызванная крепостным рабством», другим – воля к преодолению этого рабства [18, с. 73], Станюковичу же русские песни позволяют подчеркнуть оторванность команды корабля от родных берегов и ее привязанность к родине: «Наши песенники Вологодской губернии поют прекрасно; и часто “Лучинушка”, “Не белы снеги” и “Вниз по матушке по Волге” раздаются по одинокому океану и навевают не на одну душу какую-то щемящую боль и тоску...» [29, с. 11].

Несмотря на стремление к типизации, Станюкович избегает изображать моряков в качестве однородной людской массы. Он «высвечивает» портреты отдельных матросов, подчеркивая индивидуальность характера и обозначая роль в экипаже: «старик-матрос Гришка, ходивший прежде в “дальнюю”» [29, с. 4] и отечески наставляющий молодежь; «Дон-Жуан в матросской рубахе» [29, с. 4] Воронцов с рассказами о своих «похождениях»; потешающий команду своим артистизмом Жаворонков; «бравый матросик» Макарка [29, с. 12] и др. Портреты «выписаны» с разной степенью детализации; на особенно колоритных персонажах автор останавливается подробно. Таков, например, унтер-офицер Теплухин, имеющий в команде «репутацию “ученого” человека» [29, с. 14]. Теплухин принадлежит к типу, который гораздо позднее – в прозе Шукшина – получит определение «чудика». Он прочел несколько книг и на этом основании любит своими вопросами поставить в тупик кого-нибудь из офицеров. Рассказу о Теплухине и его «философских»

причудах автор посвятил три страницы [29, с. 14–17] – непропорционально много по сравнению с другими матросами и офицерами, и важно, что столь пристальное внимание уделено явно не тому персонажу, который, в глазах Станюковича, является наиболее характерным представителем русских моряков. Исключительное внимание не к типичному, а к курьезному помогало автору создать ощущение реального, непосредственного восприятия действительности, когда первое внимание человека привлекают предметы и явления, резко выделяющиеся на общем фоне. Так очерк приобретал вид не аналитического опуса, тщательно продуманного полотна, а живой зарисовки с натуры.

О своей приверженности к реалистичности описаний автор размышляет особо и противопоставляет собственный способ видения морской жизни писательской манере Д. В. Григоровича, имея в виду цикл очерков последнего «Корабль “Ретвизан”», публиковавшийся в «Морском сборнике» в 1859–1860 гг. Григорович был одним из литераторов, которые откликнулись на приглашение Морского министерства описать экспедиции русского флота [4, с. 95]. В 1859 г. он отправился в годичное плавание, которое и послужило материалом для очерков.

Станюкович относится к очеркам своего предшественника критично и упрекает автора в том, что тот «дурно понял нашего матроса» и в результате, подчинившись чужой литературной традиции, изобразил русских моряков, в частности боцмана Воронова, как шаблонных «морских волков» «по рецепту Купера и Марриета» [29, с. 17–18]. Боцману Воронову Григорович уделил значительное место во 2 главе своих очерков [7, с. 130–137], озаглавив этот фрагмент «Боцман Воронов (физиологический очерк)» [7, с. 111] и действительно назвав своего героя по-французски «loup de mer», т. е. «морским волком» [7, с. 130].

В истории литературы хорошо известны примеры, когда использование западных трафаретных образов искажало представление о реальной национальной специфике персонажей. Так, скажем, П. Мериме в начале 1850-х гг. описывал казаков как подобие знакомых европейцам флибустьеров [16, с. 49]. Из рассуждений Станюковича следовало, что приблизительно по тому же пути пошел и Григорович, поскольку он «вздумал сделать из боцмана Воронова какой-то в действительности не

существующий тип русского моряка, более похожий на англичанина, американца, француза... что хотите, но только никак не на нашего православного, дельного, сметливого, но нисколько не страстного к морю – русского матроса» [29, с. 17]. В противовес этому Станюкович кратко формулирует собственную художественную задачу в духе «натуральной школы»: «<...> Продолжаю, рабски списывая с действительности, <...> повесть о том, как живут и что делают на судах матросы» [29, с. 17].

Тезис о «рабском списывании с действительности» несколько диссонировал с повествовательной тактикой очерка, которая, как уже было сказано, предполагала описание обобщенных характеров и ситуаций, то есть – не скопированных с натуры, а преобразованных художественным сознанием. Видимо, ощущая это, автор заостряет внимание читателя на реальной основе своих наблюдений и указывает название реального корвета, о котором идет речь («Калевала»), и период своей службы на нем – с октября 1860 по август 1861 г. [29, с. 24]. Эта конкретизация вполне соответствовала традициям «Морского сборника», читатели которого привыкли знакомиться с информацией о реальных плаваниях.

В следующем очерке Станюковича – «Мадера и Острова Зеленого Мыса» – принципиально иной предмет изображения. Если в предыдущем произведении авторское внимание было поглощено изолированной от мира корабельной жизнью, то здесь его взор устремлен на экзотику заморских земель: ландшафты, этнографические особенности, местные нравы и проч. Заметные переключки между текстами, конечно, есть. Станюкович и здесь «цитирует» отзывы матросов и офицеров об увиденном, останавливается на описании матросских песен, он и здесь рассуждает о художественных принципах изображения морских путешествий. Он подтрунивает над «марлиновским» «сентиментальным духом» [31, с. 144] и с иронией говорит о наивной романтизации: «А виды... Что за виды!.. Наверное, любой из петербургских поэтов посвятил бы страниц пять описанию вида Мадеры с моря, где б заметил даже, как волна с волной говорит и что именно говорит, какую повесть красивые рыбы, виднеющиеся сквозь прозрачную воду, рассказывают... Словом, не опустил бы ни малейшей подробности и восхитил бы тех из читателей, которые

любят спрашивать, закатив свои глазки к небесам: “Какое это чувство быть в апельсиновой роще?”» [31, с. 135]. В противовес романтизированным текстам Станюкович без отвлеченных лирических излияний и с документальной достоверностью описывает достопримечательности страны, с которой сам он смог довольно подробно познакомиться и о которой мог сообщить читателю действительно интересные подробности. Отсюда – явная ориентация очерка на познавательную функцию текста и на описательность стиля.

Очерк «Глава из очерков морской жизни» печатался в журнале Достоевских «Эпоха», который носил гораздо более литературный характер, нежели «Морской сборник». Думается, это сказалось на стиле очерка. «Полный реализма и демократизма очерк о русском матросе» [14, с. 93] в целом соответствовал идеологии и формату издания, но особенно актуальным было то, что русские матросы были показаны Станюковичем во французском Бресте в окружении западной жизни. Станюкович избрал новый для себя угол зрения: если в предыдущем очерке изображались заморские страны глазами русских матросов, то теперь перед читателем представляли русские матросы в окружении заграничной (западноевропейской) жизни, что, видимо и привлекло Ф. М. Достоевского как издателя, поскольку в тот период после посещения Западной Европы он стремился акцентировать внимание журнала на чуждости западных норм жизни русскому народному характеру [5, с. 43].

Станюкович постарался представить картины заграничных портов не столько при помощи собственных описаний, сколько посредством реплик и оценок, принадлежащих матросам и офицерам. При этом автор, стремящийся к достоверной передаче живого языка моряков, в глазах читателя представал в роли не просто участника событий, а – корреспондента, будто бы не имитирующего речь, а буквально фиксирующего ее. Судя по всему, Станюкович рассчитывал, что этот прием повысит доверие к тексту, поскольку будет напоминать документальные записи, скажем, солдатских рассказов, к которым пробудила интерес недавняя Крымская война [21, с. 364–367]. В то же время некоторые приемы сигнализировали читателю, что очерк не вполне документален. Во-первых, автор не называет своего

судна и точной даты событий, что придает повествованию обобщающее значение, а во-вторых, он порою сам пытается воспринимать действительность глазами матросов. Для примера приведем такой пассаж: «Повыскакали матросы смотреть, в какой это такой порт входит наш корвет. <...> Пора стояла дождливая, осенняя; окачиваться холодно, а тело-то расчесалось – бани требует... Ну, и опять же верно, порт и не безе кабаков и не безе тех кралей, что пленяют так нашего удалого матроса за границей и которым несет он, – если уж краля больно вальяжна, – всю свою наличную заслугу» [28, с. 1]. Это стремление автора проникнуть в матросское сознание и выразить матросские чаяния подсказывало читателю, что и дальнейшие матросские разговоры являются плодом авторской имитации или авторского отбора.

Причем принципы этого отбора становятся понятны после знакомства с рассуждениями автора о несовершенстве прежних литературных картин морской жизни. Такого рода рассуждения, как уже отмечалось, имели место и в предыдущих очерках, однако здесь авторская рефлексия значительно более развернута. Станюкович описывает приземленные чаяния моряков при посещении иностранного порта: бильярд, мягкая постель, нормальная пища, – и, как бы извиняясь за этот прозаизм, рассуждает: «Ну, пусть себе путешествовавшие на наших судах на казенный счет господ в качестве литераторов сердятся, хоть и туманно сердятся, на нас за то, что мы к красотам природы относимся менее сочувственно, чем к хорошему кровавому ростбифу... Но на то они и путешествуют, а мы – служим... На то во время перехода им и было только и дела, что, лежа в своей каюте, – в то время, когда мы с вами, моряки, мокли под дождем и пронизывались насквозь холодным ветром, – заранее предвосхищаться красотами той или другой местности или красотой голубого неба и мерцающих в небесной выси звезд и после дивить нас описанием сих красот в “Морском сборнике”. Согласитесь, что не натягивать же нам из-за Гончарова да Льховского чувства к природе и не стонать и не ахать при виде тропических видов с лесами, с узорчатыми облаками, с широколиственными деревьями и прочими диковинками, кои не видевший этих диковинок, но сочувствующий им читатель может зреть на поэтических страницах поэтической книги доктора Вышеславцева» [28, с. 4–5].

Говоря о И. А. Гончарове, Станюкович, намекает на цикл очерков «Фрегат “Паллада”», основанных на впечатлениях, вынесенных из морской экспедиции 1852–1855 гг., в которой участвовал писатель. В 1855–1856 гг. эти очерки публиковались в разных журналах, в том числе – в «Морском сборнике». Б. М. Энгельгардт замечает: «Когда <...> появились, наконец, гончаровские очерки плавания на фрегате “Паллада”, они вызвали среди кронштадтских моряков <...> чувство неопределенного разочарования, недоумения и даже обиды. Им, осведомленным из первых рук о всех событиях героического похода, трудно было помириться с изображением его в виде какой-то увеселительной прогулки по трем океанам» [37, с. 310]. По всему видно, что и Станюкович отчасти разделял мнение своих сослуживцев. Что касается морских очерков И. И. Лъховского (близкого друга Гончарова), то они создавались по впечатлениям автора от кругосветного плавания, совершенного в 1859 г., и печатались в «Морском сборнике» в 1861–1862 гг. Исследователи отмечают, что Лъховский ориентировался на традицию «Фрегата “Паллады”», «если иметь в виду преимущественное внимание авторов к людям и событиям, увиденным “на берегу” во время стоянок корабля и описанных <...> хорошим литературным языком» [4, с. 92]. Действительно, оказавшись, например, в Сан-Франциско, Лъховский подробно изобразил свою поездку в Неваду, но корабельную жизнь представил лишь посредством краткого полилога в кают-компании, участники которого совершенно обезличены [12, с. 3–5]. Довольно скудно детали корабельного быта представлены и в книге А. В. Вышеславцева «Очерки пером и карандашом из кругосветного плавания» [6], хотя их автор и был «своим человеком» на корабле: он совершал кругосветное плавание в 1857–1860 гг. в качестве военного врача. Вышеславцев следовал манере Гончарова [4, 106], обновив ее за счет включения в текст обширной научной информации.

Для Станюковича очевидна неготовность литературной традиции, нацеленной на описание заморских курьезов, к изображению реальной корабельной жизни, где любопытство к экзотике отступает перед служебными обязанностями. Он приводит типичный случай: «Помню, входили мы в Ботавию... Виды были прекрасные... Кудрявые это деревья разные... Птицы разноцветные... Камушки светлые... Я уже

было впечатляться начал, <...> рассчитывал, сколько это у меня страниц поэтических выйdet, где на каждую птицу полстраницы достанется, да совсем забыл о контрабрасе, что у меня тянули...» В результате «впечатлившийся» моряк получил выговор за невнимательность, после чего размышлял так: «Чтоб им пусто было... этим видам! <...> Зачем я не путешествую в качестве литератора!.. Не знал бы я тогда контрабраса, а главное – впечатляться-то... впечатляться сколько бы было времени! И хоть, признаться, крайне прискорбно, что мы, вместо осмотра музеев да изучения нравов, осматриваем гостиницы и изучаем нравы в не совсем высшем обществе, но что делать, коли последнее нам в ту минуту приятней <...>. Тут уж туманными серчаниями вроде серчаний г-на Льховского (зри “Мор<ской> сб<орник>” 1862 г.) не поможешь!» [28, с. 7]

Очевидно, что Станюковичу была чужда манера поэтизировать заморскую экзотику и при этом обходить вниманием повседневные реалии флота, игнорировать ментальные особенности русских моряков, тяготы и радости их службы. Свою задачу Станюкович видит в создании достоверных характеров, в изображении формирующих эти характеры условий флотской жизни. В трех рассмотренных нами очерках молодой моряк-очеркист пытался найти поэзию в деталях флотского быта, в самобытности русского моряка, который, по убеждению автора, не рожден для морской службы, но все же оказывается «прекрасным матросом» благодаря «богатству своей натуре» [29, с. 19].

Итак, три рассмотренных очерка, благодаря идейно-тематической и стилевой общности, могли использоваться как «ядро» задуманного Станюковичем сборника. Однако другие публикации с этим «ядром» гармонировали не вполне. Самая первая публикация – «Мысли по поводу глуповцев г. Щедрина» – вовсе не касалась моря, а потому в сборник не попала. Публикация «Французы в Кохинхине» «укладывалась» в маршрут кругосветного путешествия, однако в жанровом отношении сильно диссонировала с путевыми очерками и тематически мало была связана с морской жизнью. Это была статья о прошлом и настоящем Кохинхины – то есть современного Вьетнама, тогда – французской колонии. В январе 1863 г. Станюкович по поручению адмирала был отправлен в Сайгон, где провел более месяца [10, с. 738] и наблюдал,

как происходило кровавое покорение страны французами. В результате и появилась информационно-аналитическая статья (или записка, развернутая справка) со свойствами этому жанру чертами. Полное заглавие материала – «Французы в Кохинхине. Краткий исторический обзор сношений французского правительства с Анамом с 1787 года по настоящее время и завоевание Кохинхины». Текст делился на три главы с громоздкими, но информативными заглавиями. Две первые главы посвящались истории и прежнему государственному устройству Вьетнама и основывались на французских опубликованных источниках, и лишь третья глава рассказывала о наблюдениях самого автора. Эта заключительная глава содержала яркие картины вьетнамской природы, колониального быта и пронзительно выражала «горечь страданий простых людей Вьетнама» [15, с 144]. Соответственно, стиль этой главы контрастировал с сухим стилем предыдущих. Заметно, что Станюкович старался несколько «оживить» и академическую часть записки, заявляя время от времени о собственной позиции. Например, об одном из используемых французских источников он отзывается следующим образом: «Вот как наивно объясняют завоевание Кохинхины господа академики» [33, № 2, с. 274]. По поводу нерешительности французского адмирала Бонара автор замечает, что тот попросту «струхнул» [33, № 2, с. 283]. При этом Станюкович вводит в повествование прямые обращения к читателю. Скажем, рассказывая о христианских храмах во Вьетнаме, он замечает: «Достаточно сказать, что служба у них происходит на латинском языке, который анамиты знают так же, как мы с вами, читатель, знаем малайский» [33, № 2, с. 275]. Несмотря на все эти «вольности стиля» первые главы записки своим академизмом все же сильно отличались от последней, где все картины списывались с натуры и где авторское отношение выражалось в каждом слове. Так, например, Станюкович говорил об отношении французских колонизаторов к местному населению: «На каждом шагу желание унижить и оскорбить бедняка; а проделки с женщинами до того грязно возмутительны, что и в печать не идут... Подобное нахальство обращения французов даже возмутительнее обращения колониальных англичан с туземцами, в особенности с китайцами» [33, № 3, с. 149].

Особняком стоит опубликованный Станюковичем в «Морском сборнике» рассказ «Шторм (Сцена из матросского быта)». В тексте эпизодически присутствует автор-повествователь, но это – не офицер с «Калевалы», как было в очерке «Жизнь в тропиках», а некий офицер, с некоего корабля, терпящего шторм, неизвестно, в каком году и в каком океане, то есть условный повествователь. В произведении изначально задан принцип художественной обобщенности событий и характеров и отвлеченности от реалий конкретного кругосветного плавания, изображавшегося в очерках Станюковича. Изображая поведение и чувства моряков в момент роковой опасности, автор создает несколько портретных зарисовок. Однако такие «дагерротипные» изображения не удовлетворяют автора, он явно стремится к психологизму, к «исследованию анатомии “человеческой души”» [13, с. 294], что было общим литературным стремлением того времени. И Станюкович сосредоточивает основное внимание на двух матросах: Василии и Агапе. Чтобы читатель мог осознать разность их характеров и ощущений во время шторма, автор описывает их судьбы, где нет ничего выдающегося – простые человеческие радости, горести и слабости. Обычность персонажей, но необычность выпавшего на их долю штормового испытания позволяют автору воплотить в художественной форме то, что в его очерках декларировалось, – представление о сущности русского морского быта: это не жизнь «морских волков» в условиях родной стихии, а тяжелая служба обычных, и очень разных, выросших на сухопутье людей, в силу обстоятельств вынужденных бороться со «свирепой природой» [34, с. 172].

Итак, мы представили произведения Станюковича, уже опубликованные к моменту подготовки его первого сборника. Однако, как помним, в сборник вошло еще несколько произведений. Нельзя дать удовлетворительного ответа, создавались ли они с целью публикации в периодической печати или – специально для сборника. Можно лишь констатировать, что эти новые сочинения разнились между собой по жанру и стилю, однако – коррелировали с некоторыми уже опубликованными текстами.

Очерк «В Индийском океане» выглядит как логическое продолжение уже рассмотренных нами трех очерков о кругосветном плавании. Как было сказано,

каждый из этих очерков, отражая определенную часть маршрута, предполагал фокусировку внимания на некоем доминантном предмете: автономной жизни корабля, достопримечательностях заморских стран, восприятию русскими матросами западных реалий. В новом очерке взгляд сосредоточен на поведении команды корабля в штормовой период, что тематически сближает очерк с рассказом «Шторм». Разница, однако, в степени обобщений: в очерке «В индийском океане» происходящее воспринимается как период конкретного путешествия конкретного корабля, а автор предстает в роли, близкой к репортерской; он как бы фиксирует, а не конструирует ситуации и многочисленные речи моряков. Встречаем здесь и авторские рассуждения о несовершенствах литературного осмысления морского быта [30, с. 160–162], как это было в прежних очерках.

Наибольшей сверхжанровой «валентностью» [2, с. 238] обладал очерк «В китайских портах». С одной стороны, он описывал новый пункт кругосветного маршрута, с другой – выбивался по стилю из серии путевых очерков. Очерк начинается с изображения вахтенного дежурства офицера, причем автор выступает в роли всеведущего повествователя, поскольку он в подробностях передает читателю мысли и чувства офицера. Затем автор снова входит в роль «копииста реальности» и фиксирует высказывания матросов о Китае, потом описывает личные впечатления от посещения Гонконга, а после этого «переключается» на стиль научно-познавательной статьи о Китае с набором разнообразных – этнографических, исторических, экономических, литературных и прочих сведений. То есть очерк, благодаря своей жанрово-стилистической разнородности, мог одновременно восприниматься как текст соприродный и путевым очеркам, и рассказу «Шторм», и аналитической записке о Кохинхине.

Слабо согласовывался с другими текстами очерк «Отмена телесных наказаний». Формально он был привязан к маршруту плавания, однако из текста не ясно, к какому именно пункту этого маршрута. Объем очерка непропорционально мал [30, с. 334–341] в сравнении с иными путевыми очерками. Очерк посвящен даже не плаванию или стоянке в порту, а реакции матросов на вышедший 17 апреля 1863 г. императорский указ об отмене телесных наказаний в армии и на флоте [25, с. 254–

356]. Исходя из задачи, автор использует многоголосие, «цитируя» отзывы и рассуждения моряков. Речь говорящих здесь оказывается почти единственным источником характеристики персонажей, поскольку автор лишь изредка делится скупой дополнительной информацией о них. Впрочем, автор вводит в очерк «сквозные персонажи»: матросов Гришку и Жаворонкова, боцмана Никитича [30, с. 334], которые уже знакомы читателю по путевым очеркам и «связывают» текст с путевым циклом.

Что касается рассказа «Кузькина любовь», то он по отсутствию «привязки» к маршруту плавания, по степени художественной обобщенности изображаемого материала стоял в одном ряду с рассказом «Шторм». Произведение нацелено на постижение характера одного персонажа – матроса Кузьмы Ворошилова, – о чувствах и судьбе которого повествователю все известно. Кузьма в детстве был «казачком» в барском доме, где выучился читать. Случайно полученные знания развили в нем восприимчивую душу. Затем Кузьма попал в матросы, но в отличие от многих сослуживцев оказался способен на истинную глубокую любовь.

Итак, девять рассмотренных нами произведений в жанровом и стилистическом отношении представляли собой пестрое разнообразие. Тем не менее Станюкович решился объединить их под обложкой одного сборника. Обратимся к тем приемам, которые он использовал, для укрепления связей между текстами.

Прежде всего, обратим внимание на заглавие – «Из кругосветного плавания (Очерки морского быта)». Заглавие всякого цикла – один из важнейших «рамочных компонентов текста» [22, с. 72], который «объединяет в целое все входящие в цикл тексты-эпизоды» [1, с. 9]. В данном случае автор в качестве циклообразующей доминанты репрезентировал в заглавии тему дальнего плавания. Это вполне объяснимо, если вспомнить, что значительная часть очерков была посвящена различным отрезкам кругосветного маршрута, а иные из них изначально маркировались как части цикла. А поскольку эти очерки составляли – и по общему объему, и по степени стилистического сходства – «ядро» создаваемого сборника, то тематическая доминанта кругосветного путешествия подчиняла себе и все остальные – более мелкие и стилистически раздробленные части. Так читательскому сознанию

подсказывалось, что события рассказов «Шторм» и «Кузькина любовь», очерка «Отмена телесных наказаний» происходили не на каком-то абстрактном судне, а на корабле «Калевала» в период все того же кругосветного плавания. В то же время художественность рассказов «Шторм» и «Кузькина любовь» наводила читателя на мысль, что путевые очерки также несут на себе печать художественного обобщения, как и образ автора в этих очерках. По существу, при создании сборника происходило «монтирование сюжета путешествия», что «приводило к созданию условного повествователя, который и соотносим с авторской личностью, и отличен от нее» [19, с. 7].

Предлог «из» в заглавии предупреждал читателя об отрывочности собранных картин. По наблюдению Т. С. Дубровских, «авторское заглавие (основной внешне композиционный индикатор циклической формы) маркирует стремление подчеркнуть “дробность” мирообраза» [9, с. 105]. Станюкович с помощью предлога «из», с одной стороны, действительно подчеркивал, что кругосветное плавание изображено фрагментарно, а с другой – указывал, что тексты создавались непосредственно во время плавания, и, стало быть, основываются на непосредственных впечатлениях, разность которых объясняется разностью условий самого плавания.

Что касается подзаголовка («Очерки морского быта»), то объединение всех частей цикла под жанровым определением «очерки» объясняло читателю стилистическую разноплановость компонентов сборника. Жанр очерка принадлежит к так называемым «внеродовым формам», где, по утверждению В. Е. Хализева, «доминируют описания, нередко сопровождающиеся рассуждениями» [35, с. 355]. Жанр очерка имеет несколько десятков разновидностей, всякая из которых может характеризоваться различным соотношением документальности и художественности [20, с. 4], поэтому «в определении очерка, как правило, подчеркивается его документальная основа, познавательное значение, но признается и наличие художественного вымысла» [8, с. 61]. Развитие в русской литературе 1840-х гг. физиологического очерка, который «стремился к научности», «к изучению действительности» [27, 235] в значительной мере размывало границы между

научным и литературным постижением действительности, приучало читателя к документальности литературных образов. В 1850-е гг. физиологический очерк в изначальном его виде начал терять свои позиции [26, с. 23], однако его влияние остается широким, и многими авторами «очерковые (публицистические) методы исследования и описания действительности синтезируются с собственно эпическим повествованием» [27, 235]. По наблюдению А. Г. Цейтлина, авторы новой литературной эпохи, в отличие от родоначальников «физиологического очерка», научились «не только наблюдать внешние формы жизни, но и прозревать их внутреннее существо» [36, с. 276], а это требовало поиска новых художественных форм. Сама задача, которую некогда ставила «натуральная школа», – «“монографическое” изучение объекта» [36, с. 275] – оставалась актуальной, однако масштаб осмысляемых объектов увеличился и «не вмещался» в малоформатный очерковый объектив. Это рождало необходимость создавать разноракурстные очерковые проекции объекта, а затем «сшивать» их в панораму посредством объединения очерков в рамках циклов. Именно так – в виде цикла из 20 очерков [36, с. 275] – задумывал изначалью Н. Г. Помяловский свои «Очерки бурсы», над которыми работал в 1862–1863 гг., то есть синхронно с создававшим первые морские очерки Станюковичем.

Современник Станюковича должен был ожидать, что под определением «очерки морского быта» подразумеваются разноплановые и разноформатные картины; такие произведения, которые позволяют постичь сущность «морского быта» и научными, и публицистическими, и художественными методами, то есть – произведения, имеющие разную стилистику, но один объект исследования.

Исходя из заглавия, Станюкович разместил в сборнике тексты не по хронологии публикации, а в соответствии с последовательностью кругосветного маршрута: 1) «От Бреста до Мадеры»; 2) «Мадера и Острова Зеленого Мыса»; 3) «Жизнь в тропиках»; 4) «В Индийском океане»; 5) «В китайских портах» и 6) «В Кохинхине». Затем разместил очерк «Отмена телесных наказаний», который публицистичностью воплощения напоминал все предыдущие очерки, а кроме того, подытоживал сквозную тему о необходимости гуманного отношения к матросу. Затем шел рассказ

«Кузькина любовь», который демонстрировал читателю художественный результат осмысления автором в течение путешествия матросского характера. И завершился сборник рассказом «Шторм», который акцентировал внимание на борьбе человека со стихией как на главной особенности морской жизни. Кроме того, в этом рассказе ярко реализовывался художественный прием, который как бы «отшлифовывался» во всех предыдущих текстах и теперь воплотился наиболее выразительно, – создание лаконичного, но красочного морского пейзажа, который служит своеобразной рамкой для всего повествования.

Таким образом, композиция цикла позволяла читателю познать морской быт, переходя от значительно документализированных описаний к художественно обобщенным. Оформление цикла требовало изменений в заголовках частей. Так, были изъяты подзаголовки очерков «Жизнь в тропиках» и «Мадера и Острова зеленого Мыса»; «Глава из очерков морской жизни» стала называться: «От Бреста до Мадеры», из заголовка очерка «Французы в Кохинхине» Станюкович убрал слово «французы», чтобы новое заглавие было сориентировано исключительно на «географию» путешествия. В этом же очерке, состоящем из трех частей, в имевших громоздкие названия, он озаглавил части более лаконично: 1) «Отношения французов к Анаму»; 2) «Кохинхина»; 3) «Сайгон». Ссылки на источники, послужившие для составления записки об истории Вьетнама, Станюкович частично убрал, но снабдил очерк небольшим предисловием, в котором подчеркнул, что описывает современный Вьетнам по личным впечатлениям.

Редактуре подверглись и другие тексты. Некоторые исправления не были обусловлены включением текстов в сборник. Автором были вымараны некоторые словесные излишества. Например, из фразы «боцман наш Никитич» [28, с. 1], выброшено местоимение «наш» [30, с. 1]; в трехкратном повторе матросской фразы «Так вот тебе и режет... Так вот тебе и режет... Так и режет...» [28, с. 1] один повтор изъят [30, с. 2]; фраза-связка «...повествует Гаврилка и снова потом речь о французской обходительности заводит» [28, с. 2] выброшена полностью [30, с. 2]; из эпизода, где речь идет о взятых на борт «милых обезьянах» [31, с. 153], исчез эпитет «милых» [30, с. 87] и т. д. Помимо этого, из описания Мадеры исключен, видимо, как

потерявший информационную актуальность абзац о пребывании там австрийской императрицы [31, с. 138; 30, с. 57].

Многие поправки были продиктованы именно тем, что тексты включались в один сборник. Ясно, что при этом утрачивала смысл, например, финальная фраза очерка «Глава из очерков морской жизни» («От Бреста до Мадеры»): «Может быть, еще где встретимся, читатель!» [28, с. 22] Кроме того, автор доработал матросские диалоги. В некоторых случаях это вызвано стремлением к более точному отражению матросской речи. Скажем, высказывание «Знай же ты русского матроса и ндраву его не препятствуй!» [28, с. 1] откорректировано таким образом: «Знай же ты русского матроса и ндраву его не моги препятствовать» [30, с. 1], а матросское замечание «Известно, вша в грязе живет» [28, с. 2], исправлено на: «Звестно, вша в грязе живет» [30, с. 3]. Однако можно обнаружить и более значительные изменения. В очерке «Жизнь в тропиках» присутствовал описательный пассаж: «Там старик-матрос Гришка, ходивший на “Диане”, вспоминает свою кампанию, виденные им города и места, рассказывает разные интересные и поучительные для молодых морские случаи» [29, с. 4]. Вместо этого Станюкович воссоздает сами рассказы старого матроса с «Дианы» (которого теперь называет Григоричем) о случаях из его жизни [30, с. 91–92]. Подобно этому, в очерке «Мадера и Острова Зеленого Мыса» Станюкович детализирует спор между матросом и фельдшером о сущности заморской экзотики, благодаря чему персонажи предстают более колоритно [31, с. 144; 30, с. 68–69]. Думается, расширение матросских диалогов объясняется стремлением автора минимизировать долю «авторских наблюдений» за счет усиления роли рассказчиков и таким образом сбалансировать стилистику очерков. Очевидно, с той же целью – сократить авторское присутствие – в очерке «Жизнь в тропиках» были сокращены эпизод, в котором автор-рассказчик спорит с матросами по поводу суеверий [29, с. 13]

В очерке «Жизнь в тропиках» автор убрал рассуждения о пагубности телесных наказаний, поскольку с момента создания очерка (май 1861 г. [29, с. 42]) ситуация изменилась: наказания были отменены, и теперь актуальным было осмыслить

реакцию моряков на это спасительное новшество, чему в сборнике был посвящен отдельный очерк – «Отмена телесных наказаний».

В очерке «От Бреста до Мадеры» оказался изъят цитированный нами фрагмент с критикой морских описаний Гончарова, Льховского и Вышеславцева [28, с. 4–6; 30, с. 6]. Этот пассаж органично смотрелся на страницах литературного журнала «Эпоха», но теперь – в окружении других очерков Станюковича, где высказывались сходные соображения, – оказался избыточным.

Некоторые «нестыковки» все же ускользнули от авторского внимания. Так, в очерке «Жизнь в тропиках» упоминается матрос Василий Андреев, который попал в рекруты из дворовых за то, что «обругал крепким словом Жизельку, маленькую собачонку очень нервной и набожной барыни» [30, с. 117]. Но вот та же самая «Жизелька» появляется в рассказе «Кузькина любовь» [30, с. 352–353]: барыня наказывает за нее дворовых. Ясно, что мы наблюдаем процесс последовательной художественной обработки одной и той же ситуации, и это весьма любопытно для литературоведа, но у обычного читателя понижают доверие к образу.

Помимо этого, бросается в глаза, что композиционная нацеленность сборника на постепенный переход от документальности к художественности выдерживается не вполне. Цикл открывается очерком «От Бреста до Мадеры», где явно просматривается стремление автора обобщить характеры и ситуации, так что читатель может усомниться, что речь идет о конкретном корабле и конкретном плавании. И лишь в третьем очерке «Жизнь в тропиках» (как самостоятельная часть он публиковался первым) автор указывает название корабля и датирует события [30, с. 116, 124]. Однако, несмотря на некоторые нестыковки, сборник «Из кругосветного плавания», несомненно, представлял собой надтекстовую целостность, которая конструировалась автором для создания стереоскопной панорамы морского быта.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Первые публикации К. М. Станюковича о морской жизни демонстрируют стремление автора к широкому и многомерному осмыслению объекта, что закономерно вело к стилистической и жанровой разнородности его произведений.

Следуя традициям «физиологического очерка», Станюкович создавал статические картины морского быта, фотографически точные типы и ситуации, однако преодолевая эти же традиции, он стремился постичь динамику характеров, их обусловленность специфическими условиями морской службы, а это, в свою очередь, вело автора по пути художественных обобщений, детальной разработки характеров отдельных героев.

Готовность Станюковича использовать все доступные методы для исследования морского быта обусловила формальную разнородность частей его первого сборника. Авторская устремленность к поиску новых принципов изображения морской жизни и ее целостному отражению, реальные жизненные впечатления, положенные в основу повествования, психологическая достоверность героев, «сквозные» персонажи, специфические приемы поэтики превращали ранние морские произведения Станюковича в художественное единство, которое воплотилось в его первом сборнике и которое в дальнейшем, по нашему убеждению, послужило основой для создания одного из самых известных его произведений – повести «Вокруг света на “Коршуне”» (1895–1896).

Список литературы

1. Афонина Е. Ю. Поэтика авторского прозаического цикла [Текст]: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.01.08 / Е. Ю. Афонина. – Тверь, 2005. – 24 с.
2. Бегенева Е. И. Текстовая доминанта как композиционная вершина мегатекста [Текст] / Е. И. Бегенева // Ученые записки Казанского ун-та. Серия: Гуманитарные науки. – 2010. – Т. 152. – №. 6. – С. 235–240.
3. Вильчинский В. П. Константин Михайлович Станюкович: жизнь и творчество [Текст] / В. П. Вильчинский. – М.–Л.: АН СССР, 1963. – 334 с.
4. Вильчинский В. П. Русские писатели-маринисты [Текст] / В. П. Вильчинский. – М.–Л.: Наука, 1966. – 234 с.
5. Волкова Е. А. Литературно-издательская деятельность Ф. М. Достоевского в журналах «Время» и «Эпоха» [Текст] / Е. А. Волкова // Вестник Воронежского

- государственного университета. Серия: История. Политология. Социология. – 2016. – № 2. – С. 41–45.
6. Вышеславцев А. В. Очерки пером и карандашом из кругосветного плавания в 1857, 1858, 1859 и 1860 годах [Текст] / А. В. Вышеславцев. – СПб., 1862. – 600 с.
7. Григорович Д. В. Корабль «Ретвизан» (Год в Европе и на европейских морях) [Текст] / Д. В. Григорович // Морской сборник. – 1859. – № 5. – С. 111–141.
8. Гусева Е. А. Теоретические аспекты исследования жанра очерка [Текст] / Е. А. Гусева // Вісник Дніпропетровського університету. Серія «Соціальні комунікації». – 2016. – Вип. 16. – С. 58–64.
9. Дубровских Т. С. Книга Н. Асеева «Расстрелянная земля. Фантастические рассказы» как художественное единство [Текст] / Т. С. Дубровских // Вестник ЮУрГУ. Серия: «Лингвистика». – 2013. – Т. 10. – № 2. – С. 105–106.
10. Лозовик Г. Ф. Даты жизни и творчества К. М. Станюковича [Текст] / Г. Ф. Лозовик // Станюкович К. М. Собр. соч. В 6-ти тт. – М.: Гослитиздат, 1958. – Т. 6. – С. 735–780.
11. Лозовик Г. Ф. К. М. Станюкович. Критико-биографический очерк [Текст] / Г. Ф. Лозовик. – Симферополь: Крымиздат, 1953. – 197 с.
12. Лъховский И. И. Сан-Франциско (Из заметок о кругосветном плавании) [Текст] / И. И. Лъховский // Морской сборник. – 1861. – № 1. – С. 3–46.
13. Манн Ю. В. Философия и поэтика «натуральной школы» [Текст] / Ю. В. Манн // Проблемы типологии русского реализма. – М.: Наука, 1969. – С. 241–306.
14. Нечаева В. С. Журнал М. М. и Ф. М. Достоевских «Эпоха». 1864–1865 гг. [Текст] / В. С. Нечаева. – М.: Наука, 1975. – 302 с.
15. Никулин Н. И. Россия и Вьетнам: отражение в литературе ранних этапов взаимного знакомства [Текст] / Н. И. Никулин // Восток в русской литературе XVIII – начала XX века. Знакомство. Переводы. Восприятие. – М.: ИМЛИ РАН, 2004. – С. 129–162.
16. Орехов В. В. Казак-флибустьер в критике П. Мериме [Текст] / В. В. Орехов // Критика. Драматургия. Театр. 3 доповідей V–IX Міжнар. читань молодих вчених. Харків: ХНПУ, 2005. – С. 47–51.

17. Орехов В. В. Образ ямщика во французском тексте и российском контексте [Текст] / В. В. Орехов // Русский язык в поликультурном мире: X Междунар. научно-практич. конф-ция (8-11 июня 2016 г.): сб. науч. статей. В 2-х т. – Симферополь: «АРИАЛ», 2016. – Т.1. – С. 486–492.
18. Орехов В. В. Русские «скифы»: эволюция образа [Текст] / В. В. Орехов // Вестник славянских культур. – № 1 (XI) – М.: ГАСК, 2009. – С. 68–74.
19. Орехова Л. А. Образ автора и поэтика жанра: Русская лирическая проза XX века: Учеб. пособие [Текст] / Л. А. Орехова. – Киев: УМК ВО, 1992. – 96 с.
20. Орехова Л. А. Современный лирический очерк [Текст] / Л. А. Орехова // Вопросы русской литературы. – Львов: «Вища школа», 1986. – № 2 (48). – С. 3–9.
21. Орехова Л. А., Орехов В. В., Первых Д. К., Орехов Д. В. Крымская Илиада. Крымская (Восточная) война 1853–1856 годов глазами современников: литература, архивы, пресса [Текст] / Л. А. Орехова, В. В. Орехов, Д. К. Первых, Д. В. Орехов. – Симферополь: СГТ, 2010. – 480 с.
22. Орлова Т. Я. Особенности литературной циклизации [Текст] / Т. Я. Орлова // Stephanos. М.: Филол. ф-т МГУ им. М. В. Ломоносова, 2016. – № 6 (20). – С. 66–74.
23. Петрушков В. С. К. М. Станюкович (к вопросу о периодизации творчества) [Текст] / В. С. Петрушков. – Душанбе: ИРФОН, 1966. – 133 с.
24. Петрушков В. С. Поэтика К. М. Станюковича-мариниста (Особенности художественной изобразительности и стиля) [Текст] / В. С. Петрушков. – Душанбе: ИРФОН, 1966. – 155 с.
25. Полное собрание законов Российской Империи. Собрание второе [Текст]. – СПб.: Тип. 2-го Отд-ния Собств. е. и. в. Канцелярии, 1866. – Т. XXXVIII (1863 г.). – Ч. 1. – 940 с.
26. Проскурина Ю. М. Своеобразие русского реализма середины XIX века [Текст] / Ю. М. Проскурина // Вестник Удмуртского ун-та. Серия: История и филология. – 2013. – № 4. – С. 17–24.

27. Садовская Е. Ю. Генезис художественного очерка XVIII–XIX веков (проблематика, поэтика, типология) [Текст] / Е. Ю. Садовская // Вестник ВГУ. Серия: Филология. Журналистика. – 2012. – № 1. – С. 231–238.
28. Станюкович К. М. Глава из очерков морской жизни [Текст] / К. М. Станюкович // Эпоха. – 1864. – № 9. – С. 1–32.
29. Станюкович К. М. Жизнь в тропиках (Глава из очерков морской жизни) [Текст] / К. М. Станюкович // Морской сборник. – 1863. – № 5. – С. 1–42.
30. Станюкович К. М. Из кругосветного плавания (Очерки морского быта) [Текст] / К. М. Станюкович. – СПб., 1867. – 382 с.
31. Станюкович К. М. Мадера и Острова Зеленого Мыса (Еще глава из очерков морской жизни) [Текст] / К. М. Станюкович // Морской сборник. – 1864. – № 6. – С. 135–154.
32. Станюкович К. М. Мысли по поводу глуповцев г. Щедрина [Текст] / К. М. Станюкович // Морской сборник. – 1862. – № 11. – С. 41–43.
33. Станюкович К. М. Французы в Кохинхине [Текст] / К. М. Станюкович // Морской сборник. – 1864. – № 2. – С. 265–298; № 3. – С. 125–152.
34. Станюкович К. М. Шторм. Сцена из матросского быта [Текст] / К. М. Станюкович // Морской сборник. – 1864. – № 12. – С. 165–172.
35. Хализев В. Е. Теория литературы: учебник [Текст] / В. Е. Хализев. – М.: Высш. шк., 2002. – 437 с.
36. Цейтлин А. Г. Становление реализма в русской литературе (Русский физиологический очерк) [Текст] / А. Г. Цейтлин. – М.: Наука, 1965. – 318 с.
37. Энгельгардт Б. М. Путевые письма И. А. Гончарова из кругосветного плавания: «Фрегат “Паллада”» [Текст] / Б. М. Энгельгардт // Литературное наследство. М., 1935. Т. 22–24. – С. 309–343.

References

1. Afonina E. Yu. Poetika Avtorskogo Prozaicheskogo Tsikla: Avtoref. Dis. ... Kand. Filol. Nauk [Poetics of the Author's Prose Cycle]. Tver', 2005.

2. Begeneva E. I. *Tekstovaya Dominanta kak Kompozitsionnaya Vershina Megateksta* [Text Dominant as a Composite Vertex of Megatext]. *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya: Gumanitarnye Nauki*, 2010, vol. 152, no 6, pp. 235–240.
3. Vil'chinskij V. P. *Konstantin Mihajlovich Stanjukovich: Zhizn' i Tvorchestvo* [Konstantin Mikhailovich Stanyukovich: Life and Work]. Moscow – Leningrad: AN SSSR Publ., 1963. 334 p.
4. Vil'chinskij V. P. *Russkie Pisateli-Marinisty* [Russian Maritime Writers]. Moscow – Leningrad: Nauka Publ., 1966. 234 p.
5. Volkova E. A. *Literaturno-Izdatel'skaya Deyatel'nost' F. M. Dostoevskogo v Zhurnalakh «Vremya» i «Epokha»* [The Literary and Publishing Activities of F. M. Dostoevsky in the Magazines "Vremya" and "Epokha"]. *Vestnik Voronezhskogo Gosudarstvennogo Universiteta. Seriya: Istoriya. Politologiya. Sotsiologiya*, 2016, no 2, pp. 41–45.
6. Vyshevlavtsev A. V. *Ocherki Perom i Karandashom iz Krugosvetnogo Plavaniya v 1857, 1858, 1859 i 1860 Godakh* [Essays in a Circumnavigation Pen and Pencil in 1857, 1858, 1859 and 1860]. St. Petersburg, 1862. 600 p.
7. Grigorovich D. V. *Korabl' «Retvizan» (God v Evrope i na Evropeiskikh Moryakh)* [Ship "Retvizan" (Year in Europe and on European Seas)]. *Morskoi Sbornik*, 1859, no 5, pp. 111–141.
8. Guseva E. A. *Teoreticheskie Aspekty Issledovaniya Zhanra Ocherka* [Theoretical Aspects of the Study of the Essay Genre]. *Visnik Dnipropetrovs'kogo Universitetu. Seriya «Sotsial'ni Komunikatsii»*, 2016, no 16, pp. 58–64.
9. Dubrovskikh T. S. *Kniga N. Aseeva «Rastrelyannaya Zemlya. Fantasticheskie Rasskazy» kak Khudozhestvennoe Edinstvo* [Book N. Aseeva "Shot the Land. Fantastic Stories "as an Artistic Unity"]. *Vestnik Yuzhno-Ural'skogo Gosudarstvennogo Universiteta. Seriya: «Lingvistika»*, 2013, vol. 10, no 2, pp. 105–106.
10. Lozovik G. F. *Daty Zhizni i Tvorchestva K. M. Stanyukovicha* [Dates of Life and Work of K. M. Stanyukovich]. *Stanyukovich K. M. Sobr. Soch. V 6 vol.* Moscow: Goslitizdat Publ., 1958, vol. 6, pp. 735–780.

11. Lozovik G. F. K. M. Stanyukovich. Kritiko-Biograficheskii Ocherk [K. M. Stanyukovich. Critical and Biographical Essay]. Simferopol: Krymizdat Publ., 1953. 197 p.
12. L'khovskii I. I. San-Frantsisko (Iz Zametok o Krugosvetnom Plavanii) [San Francisco (From Notes on World Voyage)]. Morskoi Sbornik, 1861, no 1, pp. 3–46.
13. Mann Yu. V. Filosofiya i Poetika «Natural'noi Shkoly» [Philosophy and Poetics of the "Natural School"]. Problemy Tipologii russkogo realizma. Moscow: Nauka Publ., 1969, pp. 241–306.
14. Nechaeva V. S. Zhurnal M. M. i F. M. Dostoevskikh «Epokha». 1864–1865 gg. [The Journal M. M. and F. M. Dostoevsky "Epokha". 1864–1865]. Moscow: Nauka Publ., 1975. 302 p.
15. Nikulin N. I. Rossiya i V'etnam: Otrazhenie v Literature Rannikh Etapov Vzaimnogo Znakomstva [Russia and Vietnam: Reflection in Literature of the Early Stages of Mutual Dating]. Vostok v Russkoi Literature XVIII – Nachala XX Veka. Znakomstvo. Perevody. Vospriyatie. Moscow: IMLI RAN Publ., 2004, pp. 129–162.
16. Orekhov V. V. Kazak-Flibust'er v Kritike P. Merime [Cossack Filibuster in Critical Articles P. Merimee]. Kritika. Dramaturgiya. Teatr. Z Dopovidei V–IX Mizhnarodnykh Chitan' Molodikh Vchenikh. Kharkov: KhNPU Publ., 2005, pp. 47–51.
17. Orekhov V. V. Obraz Jamshhika vo Francuzskom Tekste i Rossijskom Kontekste [The Image of Coachman in the French Text and the Russian Context]. Russkij Jazyk v Polikul'turnom Mire: X Mezhdunarodnaja Nauchno-Prakticheskaja Konferencija (8–11 Ijunja 2016): Sbornik Nauchnyh Statej. Simferopol': ARIAL Publ., 2016, vol. 1, pp. 486–492.
18. Orekhov V. V. Russkie «Skify»: Evoljucija Obraza [Russian "Scythians": the Evolution of the Image]. Vestnik Slavjanskih Kul'tur. Moscow: GASK Publ., 2009, № 1 (XI), pp. 68–74.
19. Orekhova L. A. Obraz Avtora i Poetika Zhanra: Russkaya Liricheskaya Proza XX veka: Ucheb. Posobie [The Image of the Author and the Poetics of the Genre: Russian Lyric Prose of the 19th century: Textbook.]. – Kiev: UMK VO Publ., 1992. 96 p.

20. Orekhova L. A. *Sovremennyi Liricheskii Ocherk* [Modern Lyrical Essay]. *Voprosy Russkoi Literatury*, L'vov: Vishcha shkola Publ., 1986, no 2 (48), pp. 3–9.
21. Orekhova L. A., Orehov V. V., Pervyh D. K., Orehov D. V. *Krymskaja Iliada. Krymskaja (Vostochnaja) Vojna 1853–1856 Godov Glazami Sovremennikov: Literatura, Arhivy, Pressa* [Crimean Iliad. Crimean (Eastern) War of 1853–1856 through the Eyes of Contemporaries: Literature, Archives, Press]. Simferopol': SGT Publ., 2010. 480 p.
22. Orlova T. Ya. *Osobennosti Literaturnoi Tsiklizatsii* [Features of Literary Cyclization]. *Stephanos*. Moscow: Filologicheskii fakul'tet MGU Publ., 2016, no 6 (20), pp. 66–74.
23. Petrushkov V. S. *K. M. Stanyukovich (K Voprosu o Periodizatsii Tvorchestva)* [K. M. Stanyukovich (Periodization of Creativity)]. Dushanbe: IRFON Publ., 1966. 133 p.
24. Petrushkov V. S. *Poetika K. M. Stanyukovicha-Marinista (Osobennosti Khudozhestvennoi Izobrazitel'nosti i Stilya)* [The Poetics of Maritime Works by K. M. Stanyukovich (Artistic and Style Specificity)]. Dushanbe: IRFON Publ., 1966. 155 p.
25. *Polnoe Sobranie Zakonov Rossiiskoi Imperii. Sobranie Vtoroe* [The Complete Collection of Laws of the Russian Empire. The Second Collected]. St. Petersburg, 1866, vol. 38 (1863), part 1. 940 p.
26. Proskurina Yu. M. *Svoeobrazie Russkogo Realizma Serediny XIX Veka* [The Peculiarity of Russian Realism of the Mid-19th Century]. *Vestnik Udmurtskogo Universiteta. Seriya: Istorija i Filologiya*, 2013, no 4, pp. 17–24.
27. Sadovskaya E. Yu. *Genezis Khudozhestvennogo Ocherka XVIII–XIX Vekov (Problematika, Poetika, Tipologiya)* [The Genesis of the Art Essay of the 18th–19th Centuries (Problems, Poetics, Typology)]. *Vestnik Voronezhskogo gosuniversiteta. Seriya: Filologiya. Zhurnalistika*, 2012, no 1, pp. 231–238.
28. Stanyukovich K. M. *Glava iz Oчерkov Morskoi Zhizni* [The Chapter from the Essays on Marine Life]. *Epokha*, 1864, no 9, pp. 1–32.

29. Stanyukovich K. M. Zhizn' v Tropikakh (Glava iz Ocherkov Morskoi Zhizni) [Life in the Tropics (Chapter from the Essays on Marine Life)]. Morskoi Sbornik, 1863, no 5, pp. 1–42.
30. Stanyukovich K. M. Iz Krugosvetnogo Plavaniya (Ocherki Morskogo Byta) [From the Circumnavigation (Essays Sea Life)]. St. Petersburg, 1867. 382 p.
31. Stanyukovich K. M. Madera i Ostrova Zelenogo Mysa (Eshche Glava iz Ocherkov Morskoi Zhizni) [Madera and Cape Verde (Another Chapter on Marine Life)]. Morskoi Sbornik, 1864, no 6, pp. 135–154.
32. Stanyukovich K. M. Mysli po Povodu Glupovtsev G. Shchedrina [Thoughts about the Residents of the Town of Glupov, Described by Mr. Shchedrin]. Morskoi Sbornik, 1862, no 11, pp. 41–43.
33. Stanyukovich K. M. Frantsuzy v Kokhinkhine [The French in Cochinchina]. Morskoi Sbornik, 1864, no 2, pp. 265–298; no 3, pp. 125–152.
34. Stanyukovich K. M. Shtorm. Stsena iz Matrosskogo Byta [Storm. Scene from Sailor Life]. Morskoi sbornik, 1864, no 12, pp. 165–172.
35. Khalizev V. E. Teoriya Literatury: Uchebnik [Theory of Literature: a Textbook]. Moscow: Vysshaya shkola, 2002. 437 p.
36. Tseitlin A. G. Stanovlenie Realizma v Russkoi Literature (Russkii Fiziologicheskii Ocherk) [The Formation of Realism in Russian Literature (Russian Physiological Essay)]. Moscow: Nauka Publ., 1965. 318 p.
37. Engel'gardt B. M. Putevye pis'ma I. A. Goncharova iz Krugosvetnogo Plavaniya: «Fregat “Pallada”» [Traveling Letters by I. A. Goncharov from Circumnavigation: «Frigate “Pallada”»]. Literaturnoe nasledstvo. Moscow: Nauka Publ., 1935, vol. 22–24, pp. 309–343.

**CYCLE-FORMING CONNECTIONS IN THE FIRST COLLECTION OF
STORIES BY K. M. STANYUKOVICH**

Zhang Mengjia

Readers perceive the “sea” stories by K. M. Stanyukovich as artistic unity. This is explained not only by the general themes, but also by the use of common characters and artistic techniques. However, the question of the full set of links that unite the “sea” stories by Stanyukovich remains open. This article identifies the links that

ЦИКЛООБРАЗУЮЩИЕ СВЯЗИ В ПЕРВОМ СБОРНИКЕ К. М. СТАНЮКОВИЧА

combine the first "sea" stories by Stanyukovich. These stories were published in periodicals, as well as in the first "sea" collection "From the Round-the-World Cruising (Essays on the Sea Life)". These texts contain the author's reasoning about the goals and methods of literature, which describes the life of sailors. This allows us to trace the development of artistic principles of Stanyukovich and analyze the clearly expressed author's reflection. The article examines the originality of the author's works in the context of Russian literary tendencies of the 1850s – 1860s.

Keywords: K. M. Stanyukovich, literary marinistics, cycle-forming relations, supergenre unity